

А. Н. Веселовский

**Славянские сказания о
Соломоне и Китоврасе и
западные легенды о
Морольфе и Мерлине**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В38

Вселовский А.Н.
В38 Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине / А. Н. Веселовский – М.: Книга по Требованию, 2014. – 373 с.

ISBN 978-5-4241-7380-6

Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине

ISBN 978-5-4241-7380-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

оргаздо сильнѣе, чѣмъ обыкновенно полагають. Оно простиралось не только на практическую область, какъ напр. на архитектуру, чеканку монетъ, на свѣдѣнія по астрономіи и астрологіи и сценическую постановку драмы, но и обнимало факты болѣе духовнаго разряда; имъ объясняется внесеніе въ Индію множества западныхъ сказаній, басенъ, повѣстей, мифовъ и легендарно-религіозныхъ сюжетовъ. Наоборотъ, вслѣдствіе того же общенія, многочисленныя произведенія индѣйской культуры, матеріальныя и духовныя, проникали на западъ. Можно сказать, что если въ дохристіанское время вліяніе запада на востокъ было преобладающимъ, то въ христіанскую пору обратное теченіе вообще было сильнѣе.»

Фактъ вліянія восточныхъ представленій на европейскую мысль является такимъ образомъ общепризнаннымъ. Но для историка онъ остается все еще вопросомъ, пока не раскрыты точнѣе обстоятельства, при которыхъ совершилось это вліяніе, и не одна только возможность, но и пути перехода. На послѣднее требованіе отвѣчали различно: говорили о старыхъ торговыхъ связяхъ, о паломникахъ къ Святымъ Мѣстамъ Востока, приносившихъ къ намъ заморскія легенды и сказки; о столкновеніи Европы и Азіи въ пору крестовыхъ походовъ; объ испанскихъ арабахъ, вторгшихся клиномъ въ европейскую цивилизацію; наконецъ о посредствѣ монголовъ. Какъ извѣстно, гипотеза эта выставлена была впервые Бенфеємъ и проведена у насъ съ излишней исключительностью въ статьяxъ г. Стасова. Ни одна изъ этихъ гипотезъ не исключаетъ другія, и всѣ онѣ, можетъ быть, отвѣчаютъ фактамъ исторической жизни; но ни одна изъ нихъ не доказана, и не изучены въ отдѣльности явленія,

которыя каждая изъ нихъ предполагаетъ. Вопросъ о вліяніи восточныхъ сказаній на повѣствовательную литературу Запада остается по прежнему въ такомъ положеніи: мы признаемъ, что общеніе между Востокомъ и Западомъ было, на это есть историческія данныя; намъ стали извѣстны ряды сказокъ, легендъ и эпическихъ мотивовъ, общихъ той и другой области—и мы заключаемъ что они—результатъ того-же историческаго общенія. Когда и гдѣ оно совершилось—это и есть искомое, которое все еще необходимо опредѣлить. Сходство двухъ повѣстей, восточной съ западной, само по себѣ не доказательство необходимости между ними исторической связи: оно могло завязаться далеко за предѣлами исторіи, какъ любить доказывать мифологическая школа; оно, можетъ быть, продуктъ равномернаго психическаго развитія, приводившаго тамъ и здѣсь къ выраженію въ однѣхъ и тѣхъ-же формахъ одного и того же содержанія. Пока у насъ въ рукахъ только двѣ точки: исхода и выхода, Востокъ и Западъ, буддистскія жатаки и европейскія повѣсти; если между ними и было движеніе, то мы не знаемъ, по какой линіи оно совершилось, искривленной или прямой. Для того чтобы опредѣлить это искривленіе, необходимо бы имѣть между двумя крайними точками по крайней мѣрѣ еще одну среднюю опредѣленную: будетъ ли это какое нибудь историческое имя, исторически пріуроченное событіе, литературный памятникъ. Ни того, ни другаго, монгольская гипотеза, по самому своему существу, представить не можетъ; между тѣмъ занятія въ области такъ называемыхъ странствующихъ повѣстей должны привести къ убѣжденію, что прочные результаты могутъ быть получены здѣсь лишь въ томъ случаѣ, когда изученіе ограничится на первый разъ груп-

ной сказаній, гдѣ найдется такая посредствующая форма, обличающая подлинность историческаго перехода, т. е. группой литературныхъ фактовъ. Литературное вліяніе Востока на Западъ, на сколько оно засвидѣтельствовано памятниками, представляется мнѣ единственно существеннымъ—потому что оно и можетъ быть доказано, и должно было быть устойчивѣе. Разказы паломниковъ и монголовъ—номадовъ мы должны принять на вѣру, тогда какъ не нужно особаго усилія мысли, чтобы понять, почему повѣсти изъ Панчатантры и Семи мудрецовъ такъ долго удержались въ народномъ сознаніи Запада. Мы знаемъ, хотя и въ общихъ чертахъ, литературную исторію этихъ сборниковъ, знаемъ, когда европейцы открыли ихъ впервые, какіе съ нихъ сдѣланы были переводы, познакомившіе западное общество съ сюжетами, которые до тѣхъ поръ были ему неизвѣстны.

Эта точка зрѣнія на предметъ опредѣлила и выборъ моей темы: европейскія повѣсти о Соломонѣ.

Основа этихъ неканоническихъ повѣстей обличаетъ происхожденіе съ дальнаго востока: буддійскаго и иранскаго; но въ Европу онѣ проникли уже съ именемъ Соломона, что указываетъ на посредство среды, оставившей на нихъ это библейское имя. Такимъ образомъ одна посредствующая форма перехода достаточно выяснилась. На этой первой степени стоитъ талмудическая сага о Соломонѣ, перешедшая впоследствии и къ мусульманамъ, и, можетъ быть, другое своеобразное видоизмѣненіе той же саги, которое я гадательно отнесъ на счетъ дуалистическихъ сектъ, проводившихъ въ средневѣковое христіанство религиозныя воззрѣнія и легенды арійскаго Востока. Въ той и другой редакціи Соломоновская легенда проникла въ христіанскую Европу, вмѣстѣ съ другими

статьями такого-же двоевѣрнаго характера, и заняла здѣсь мѣсто въ ряду отреченныхъ книгъ. Это—третья ступень перехода. У насъ есть извѣстiе, что въ концѣ V-го вѣка апокрифъ о Соломонѣ былъ знакомъ на Западѣ, и что противъ него тогда уже возставала римская церковь. Къ южнымъ славянамъ онъ принесенъ былъ, безъ сомнѣнiя, изъ Византiи. Другiя западныя свидѣтельства отъ X-го вѣка позволяютъ заключить, что уже въ эту пору западная рецензiя отличалась особымъ характеромъ, напр. собственныхъ именъ, который потомъ упрочился за ней и составилъ ея отличие отъ восточной, т. е. византiйско-славянской.—Съ X-го вѣка, или вѣрнѣе съ XI-го, мы наблюдаемъ новое явленiе: апокрифическая повѣсть переходитъ въ народъ и народнѣетъ; она даетъ содержанiе повѣстямъ, романамъ и фавльбъ, и доходитъ до анекдота и прибаутки. Такъ было на Западѣ; но и въ восточной группѣ происходитъ подобное броженiе, хотя мы и не знаемъ, когда оно началось: отреченная статья разбилась на книжную повѣсть, русскую былинну, на сербскiя и русскiя сказки.—Это уже послѣднiй перiодъ развитiя, въ которомъ мы довольно ясно продолжаемъ отличать двѣ группы: западную-латинскую и византiйско-славянскую. Обѣ онѣ развиваются своеобразно, иногда далеко расходясь въ своихъ результатахъ, при чемъ преимущество вымысла и поэзiи безспорно принадлежитъ западу; иной разъ онѣ смѣшиваются: западныя повѣсти о Соломонѣ, въ своихъ народныхъ переработкахъ, проникли, можетъ быть, въ XVI и XVII в., и въ Россiю, такъ что позднѣйшия русскiя сказанiя могли отразить на себѣ слѣды двухъ разновременныхъ влiянiй: надъ старой византiйской легендой въ нихъ надслоились западные рассказы, юморъ которыхъ заслонилъ серьезное содержанiе ихъ далекаго отреченнаго подлинника.

Такимъ образомъ, главные этапы въ исторіи перехода и развитія Соломоновской легенды—найлены, и вмѣстѣ съ тѣмъ указано общее направленіе пути, по которому должно идти изслѣдованіе, если оно хочетъ добиться какихъ нибудь опредѣленныхъ результатовъ. Цѣнность этихъ результатовъ будетъ стоять въ зависимости отъ количества и качества матерьяловъ, которыми располагаетъ изслѣдователь. Нивъ томъ, ни въ другомъ отношеніи я не былъ особенно счастливъ. Такъ у меня не было подъ руками ни одного изъ первончатныхъ изданій діалоговъ Соломона и Морольфа; съ ними, впрочемъ, были слишкомъ мало знакомы и von der Hagen и Kemble, которымъ богатства западныхъ библіотекъ были доступны, чѣмъ мнѣ, пишущему въ Россіи. Точно также я не могъ достать французскаго перевода персидской Викрамачаритры (New York, 1817), котораго не могъ добиться и Бенфей. Наконецъ, мнѣ, какъ не ориенталисту, не были доступны нѣкоторыя редакціи Викрамачаритры, существующія въ народныхъ діалектахъ Индіи. Я предвижу возраженіе: зачѣмъ было мнѣ, не ориенталисту, братья за вопросъ, рѣшеніе котораго обусловлено въ нѣкоторой степени близкимъ знакомствомъ съ литературой Востока? Мнѣ могутъ замѣтить, что моя тема, какъ и «дальнѣйшая судьба вопроса о нашихъ былинахъ—въ рукахъ нашихъ ориенталистовъ» *). Но, по моему крайнему убѣжденію, изученіе странствующихъ повѣстей, по самому существу задачи, предполагаетъ равномерное знакомство съ фактами восточной и западной культуры, что, какъ извѣстно, рѣдко соединяется

*) В. Стасовъ, Происхожденіе русскихъ былинъ (Вѣстникъ Европы, 1868 г. Т. IV стр. 344).

въ одномъ и томъ-же лицѣ. Тутъ, стало быть, необходимо начать съ какой нибудь крайности, и я не знаю, почему одинъ починъ былъ-бы предпочтительнѣе другаго. Либрехтъ — не оріенталистъ; между тѣмъ его открытіе буддистскихъ источниковъ Варлаама и Исафата пролило новый свѣтъ на духовное общеніе Европы съ дальнимъ Востокомъ. Von der Hagen, J. Grimm и Kemble обратили вниманіе на восточное содержаніе европейскихъ повѣстей о Соломонѣ, не будучи оріенталистами. Недавно тотъ же сюжетъ былъ затронутъ Hofman'омъ. «Я пытался написать главу изъ сравнительной исторіи сказаній, самой молодой изъ наукъ, возникшихъ въ XIX-мъ столѣтіи», говоритъ онъ по этому поводу *); «мнѣ пришлось дѣлать набѣги въ самыя разнообразныя, далеко отстоящія другъ отъ друга области знанія и производить филологическіе опыты въ такихъ его отдѣлахъ, съ которыми я мало знакомъ, или же не знакомъ вовсе. Если-бы такой приемъ имѣлъ цѣль чисто филологическую, онъ заслуживалъ-бы порицанія, какъ шарлатанство... Но въ сравнительной наукѣ повѣстей никакой другой приемъ и невозможенъ, и меня должна оправдать самая сущность сюжета». Авторъ противопоставляетъ далѣе языку, всегда этнографически самозаключенному—сказку, не знающую границъ своему распространенію, ни во времени, ни въ пространствѣ, ни въ отличіяхъ религіи и цивилизаціи. «Люди, занимающіеся этой молодой и въ высшей степени интересной наукой, требуютъ извѣстной снисходительности, если ихъ работа заведетъ ихъ иногда въ такую филологическую область, гдѣ они не у

*) C. Hofman, Ueber Jourdain de Blaivies, Apollonius von Tyrus, Solomon und Marcolph, въ Sitzungsberichte d. philosoph. philolog. u. hist. Cl. d. K. B. A. d. W. zu München 1871, IV, стр. 445—8.

себя дома и могутъ ориентироваться только съ нѣкоторымъ затрудненіемъ и посторонней ученой помощью».

Эти слова я могъ-бы написать самъ въ защиту своей книги, если-бы выборъ темы потребовалъ защиты. Объ исполненіи пусть судятъ другіе. Если въ чемъ нибудь я не могу согласиться съ Гофманомъ, такъ это въ слѣдующемъ: говоря о мотивахъ, о типахъ странствующихъ сказаній, онъ замѣчаетъ, что, какъ бы они не измѣнялись, какъ ни расходились въ подробностяхъ, всегда легко признать ихъ общія черты и привести ихъ къ немногимъ основнымъ группамъ. Другое дѣло—пути, на которыхъ совершились эти измѣненія: о нихъ, въ большинствѣ случаевъ, мы почти ничего не знаемъ.—И онъ дѣйствительно ничего не дѣлаетъ для ихъ опредѣленія. Между тѣмъ, какъ я уже сказалъ, въ этомъ и состоитъ вся задача; я, по крайней мѣрѣ, такъ именно понялъ вопросъ, принимаясь изучать исторію того круга повѣстей, который я назову соломонинымъ.

Трудности представились сразу. Предметъ изученія сравнительно новый—особенно у насъ, гдѣ единственное подспорье представляли монографіи Ф. И. Буслаева и извѣстный Очеркъ А. Н. Пыпина, безъ котораго, собственно говоря, я не могъ-бы и работать. Самый методъ и приемы изслѣдованія недостаточно выяснены, а между тѣмъ матеріалы сравненія разбросаны въ широкихъ географическихъ границахъ, отъ Востока до крайняго Запада. Изучая историческую нить, протягивающуюся между разнообразными формаціями одной и той-же повѣсти, я не поручусь, что не ошибся въ той либо другой подробности, или въ ея толкованіи; многое, о чемъ въ моей книгѣ говорится аподиктически, можно бы оставить пока

съ знакомъ вопроса, подъ страхомъ сомнѣнія; въ общемъ я едва-ли ошибся, т. е. въ направлеши, въ которомъ совершился переходъ, въ опредѣленіи его культурныхъ условій. При скудности матеріаловъ, которыми я могъ располагать, незамѣнимое подспорье представили мнѣ древнія славянскія легенды о Соломонѣ. Исслѣдователи средне-вѣковой литературы до сихъ поръ почти не пользовались славянской стариной; между тѣмъ я убѣжденъ, что изученіе ея явленій и памятниковъ могло-бы во многомъ измѣнить существующій взглядъ на нѣкоторые факты западныхъ литературъ, объяснило-бы нѣсколько иначе ихъ зарожденіе и первичныя формы. На Западѣ люди жили болѣе страстною, нервной жизнью, чѣмъ на юго-восто-кѣ; оттого тамъ старина скорѣе забывалась, потому что новые интересы жизни и новые образы фантазіи ее закрывали. Византійско-славянскій югъ не произвелъ ни рыцарства, ни блестящаго городского быта, съ ихъ литературой романовъ и фавльд, въ которыхъ старыя легендарныя сюжеты пересказывались еще разъ и переиначивались согласно съ общественными идеалами, вышедшими тогда на историческую череду. Сравнивая какую нибудь западную, хоть-бы романскую повѣсть, съ соотвѣтствующей южно-славянской, вы всегда ожидаете встрѣтить послѣднюю на болѣе ранней степени развитія или, если хотите, неразвитости, потому что косность среды охраняла здѣсь преданіе, какъ риѐма и разиѐръ охраняютъ содержаніе традиціонной пѣсни. Такъ какъ источники южно-славянскихъ повѣстей были главнымъ образомъ византійскіе, утраченныя теперь, либо еще не найденныя, то славянскіе пересказы могутъ замѣнить для насъ во многихъ случаяхъ недоступныя намъ подлинники, которые они сохранили съ археологической точно-

стью. Для исторіи средневѣковаго развитія это фактъ очень важный. Вліяніе Византіи на старыя европейскія литературы было, несомнѣнно, довольно значительное, какъ можно заключить даже по тѣмъ немногимъ даннымъ, какія теперь собраны. Отголоски греческаго романа слышны въ *Floire et Blanceflor*, исторія Аполлонія Тирскаго воспроизведена въ *Jourdain de Blaivies*; романъ *Florimond* былъ даже написанъ грекомъ. Съ другой стороны, византійская легенда о Варлаамѣ и Іосафатѣ, познакомившая Европу съ содержаніемъ буддистскихъ повѣстей, позволяетъ заключить, что Византія играла не послѣднюю роль въ исторіи того общенія Востока и Запада, которую мы изучаемъ. Она была на сторожѣ между Европой и Азіей; это было ея естественное призваніе.

Нѣкоторыя указанія, добытыя мною изъ моей спеціальной работы, даютъ мнѣ право утверждать, что общеніе это было преимущественно литературнаго характера, и что оно сопровождалось и поддерживалось общеніемъ религіознымъ. Представителями послѣдняго были тѣ синкретическія ереси, которыя къ основамъ христіанства примѣшали религіозныя понятія Ирана и буддистскимъ легендамъ давали псевдо-христіанскую окраску. Эти ереси коснулись почвы Византіи прежде чѣмъ проникли въ Европу, куда онѣ приносили свои двоевѣрныя ученія и вмѣстѣ съ ними новый легендарный матеріалъ. Первыя выразились въ цѣломъ рядѣ апокрифовъ, отвѣчавшихъ духу двоевѣрія; легенды можно было найти и въ апокрифахъ, или онѣ приходили и отдѣльно, тѣмъ-же путемъ и подъ тѣмъ-же вліяніемъ, и скоро принимались, когда, какъ въ Варлаамѣ и Іосафатѣ, онѣ обставлялись христіанскими именами и понятіями. Отдѣльные рассказы изъ этого житія встрѣчаются въ славянскихъ руко-

писяхъ съ помѣткою: отъ болгарскихъ книгъ; я склоненъ сблизить это указаніе съ названіемъ болгарскихъ басенъ, которое тѣ-же рукописи даютъ измышленіямъ дуалистовъ—богомилъ. Литературное вліяніе Востока шло по слѣдамъ религіознаго; литература еретическихъ «басенъ и кощунъ» представляется мнѣ посредствующимъ звеномъ въ этомъ старомъ общеніи съ Азіей, которое было тѣмъ сильнѣе, что оно затрогивало религіозные интересы, развитые въ средневѣковомъ обществѣ, и было тѣмъ постояннѣе, что оно оставило памятники. Я не забываю при этомъ и практическое вліяніе ереси, въ смыслѣ проповѣди и пропаганды. Представьте себѣ еретиковъ вышедшихъ съ Востока и надолго зажившихся въ Европѣ, съ византійскими окраинами которой они поддерживали сношенія, какъ-бы далеко ни разсѣялись; еретиковъ съ сильною склонностью къ проиагандѣ, усиленно обращававшихся къ народу, особенно къ низшимъ классамъ. Легко вообразить себѣ, какими результатами скажется это вліяніе на фантазію и религіозное міросозерцаніе массы. Въ такихъ именно условіяхъ прошла историческая дѣятельность катаровъ и богомилъ, и я убѣжденъ, что ихъ почину принадлежитъ многое въ преданіяхъ европейскихъ народовъ, на что мы продолжаемъ смотрѣть, какъ на исконное достоиніе послѣднихъ: многія дуалистическія связи, космогоническія представленія и понятія объ эсхатологіи. Но я не столько стою за богомилъ и за вліяніе дуалистическихъ толковъ, сколько за то болѣе общее положеніе, къ которому они привели меня. Мнѣ кажется, что теоретики средневѣковой миеологіи должны будутъ поступить частью своей программы: не всегда старые боги сохранились въ полуязыческой памяти средневѣковаго